

Ю. К. Бегунов

ОРАТОРСКАЯ ПРОЗА КИЕВСКОЙ РУСИ В ТИПОЛОГИЧЕСКОМ СОПОСТАВЛЕНИИ С ОРАТОРСКОЙ ПРОЗОЙ БОЛГАРИИ

Типология — один из важнейших методов, применяемый советской наукой для установления закономерностей исторического развития литературы. «В отличие от сравнительно-исторического подхода к литературе, — пишет академик М. Б. Храпченко, — типологическое ее изучение предполагает выяснение не индивидуального своеобразия литературных явлений, и не просто их сходных черт, и не связей как таковых, а раскрытие тех принципов и начал, которые позволяют говорить об известной литературно-эстетической общности, о принадлежности данного явления к определенному типу, роду»¹. В зависимости от ряда межлитературных связей, контактных или неконтактных, эта литературно-эстетическая общность может быть либо общностью генетически родственных признаков, либо общностью ряда других признаков, образующих систему. «Национально-историческая концепция литературного процесса Древней Руси, — справедливо полагает А. Н. Робинсон, — может быть приближена к задачам типологического исследования путем сочетания исторической ориентации факторов литературного развития с усилением идейно-эстетической характеристики предмета на основе сравнительно-инонациональных изучений»².

Предмет нашего изучения — жанр ораторской прозы Киевской Руси в типологическом сопоставлении с ораторской прозой Древней Болгарии³.

С произведениями ораторского искусства болгары и русские познакомились во второй половине IX—в конце X в., когда после принятия христианства им стала доступной сокровищница греко-византийской образованности. Преемница греко-византийского красноречия, ораторская проза Древней Болгарии и Киевской Руси составляла единую строго нормативную систему. Она объединяет два поджанра: I. Красноречие торжественное или панегири-

¹ Храпченко М. Б. Творческая индивидуальность писателя и развитие литературы. 4-е изд. М., 1977, с. 270.

² Робинсон А. Н. Литература Древней Руси в литературном процессе Средневековья, XI—XIII вв.: Очерки литературно-исторической типологии. М., 1980, с. 33.

³ Настоящая работа является продолжением наших предыдущих исследований. См.: 1) Бегунов Ю. К. Проблемы изучения торжественного красноречия южных и восточных славян IX—XVI вв.: К постановке вопроса. — В кн.: Славянские литературы: VII Международный съезд славистов. Варшава, август 1973. М., 1973, с. 380—399; 2) *Он же*. Типология ораторской прозы Болгарии и Руси IX—XII вв. — *Anzeiger für slavische Philologie*. Graz; Köln, 1976, Bd. 8, S. 133—150.

ческое. II. Красноречие политическое, учительское или совеща-
тельное. Третий поджанр — красноречие судебное в Византии и
славянских странах развития не получило. В свою очередь, каж-
дый из поджанров имеет свои подразделения:

I поджанр — торжественное красноречие:

1. «Слова» в дни церковных праздников;
2. «Слова» в честь святых (кроме ветхо- и новозаветных);
3. «Слова» в честь светских властителей.

II поджанр — учительное красноречие:

1. Экзегетические поучения или беседы, содержащие толкова-
ние Священного писания;
2. Догматические «слова», излагающие догматические истины;
3. Катехизические поучения или беседы, содержащие пересказ
основ христианского вероучения и морали;
4. Апологетико-полемические «слова», поучения или беседы,
направленные на защиту догматов веры от нападков язычников,
еретиков, раскольников;
5. Литургические «слова» на темы какой-нибудь одной части
богослужения;
6. Нравоучительные и нравообличительные поучения и беседы
на этические темы.

Необходимо различать четыре формы проповедей: слово, поуче-
ние, беседа, всенародная речь. Рассмотрим подробнее составляю-
щие элементы этой системы первого поджанра.

1. «Слова» на дни церковных праздников были неотъемлемой
частью праздничного богослужения. У болгар их создали в конце
IX—начале X в. Климент Охридский и Иоанн Экзарх. Первому
принадлежат похвальные «слова» архистратигам Михаилу и Гав-
риилу, пророкам Илье и Захарии, Иоанну Крестителю (2), на вос-
кресение Лазаря (2), на Вербницу, на Успение богородицы и пред-
положительно «слова» в честь библейских праотцев, вавилонских
отроков, апостола Павла. Второму — «слова» на Рождество Хри-
стово (2), Богоявление, Сретение, Преображение, Вознесение,
похвала кресту. В Киевской Руси подобные произведения появи-
лись лишь во второй половине XII в. Это «слова» «в неделю всех
святых», «в субботу сыропустную», на Покров и восемь праздни-
чных «слов» Кирилла Туровского.

2. «Слова» в честь святых также составляли неотъемлемую
часть праздничного церковного обряда. В Болгарии их первым
творцом был Климент Охридский. Ему принадлежат похвалы Кли-
менту Римскому, Димитрию Солунскому, Николаю Мирликий-
скому (2), сорока мученикам, Козме и Дамиану, Кириллу Фило-
софу, братьям Кириллу и Мефодию. Иоанн Экзарх сочинил по-
хвалы Иоанну Богослову и священномученику Иринею. Вне Бол-
гарии, в Херсонесе Таврическом, Константин-Кирилл сочинил
в конце 860—начале 861 г. «Слово на обрѣтение и пренесение мо-
щемъ преславнаго Климента Римского» и «Слово похвально свя-
щенномученику Клименту». На Руси в XI—XII вв. были напи-
саны похвалы Клименту Римскому, Николаю Мирликийскому,

Козме и Дамиану, а также многим русским князьям: Борису и Глебу (3), Владимиру (2), княгине Ольге; известно также «Слово похвальное Феодосию Печерскому».

3. Болгарских «всенародных речей» до нас не дошло. Нам известны три русских произведения этого типа: «Слово о законе и благодати» Илариона Киевского (ок. 1049 г.), «Слово о князьях» (1175 г.), «Речь» Моисея Выдубицкого (1199 г.).

Поджанр учительного красноречия представлен значительным количеством произведений.

1. В болгарской экзегетике славилось «Учительное евангелие», составленное около 894 г. Константином Преславским. Оно состоит из 51-й беседы воскресных евангельских чтений от недели Пасхи до недели Вайя, основанных на катенах (кратких извлечениях) из гомилий Иоанна Златоуста, Кирилла Александрийского и Григория Нисского. Другим крупным экзегетическим сочинением явился «Шестоднев» Иоанна Экзарха, содержащий толкование на библейский рассказ о шести днях творения. Его источниками были сочинения Василия Великого, Севериана Гавальского и др. Третье крупное экзегетическое произведение — «Учительное евангелие» Феофилакта Охридского, составленное в конце XI в. в Болгарии на греческом языке. На Руси экзегетическая проповедь известна со второй половины XII в. Это «Послание Климента Смолятича» к пресвитеру Фоме и три притчи Кирилла Туровского «о человекѣстѣй души и о телеси», «о бѣлоризцѣ человекѣцѣ», «о черноризьчьстѣмь чину».

2. Первой догматической проповедью, созданной Константином-Кириллом, было «Написание о правой вѣрѣ». Самым крупным догматическим произведением Болгарии был сборник «слов» «о правой вѣрѣ», или «Небеса» Иоанна Экзарха, представляющий собой перевод 48 глав из 100 «Книг богословия» Иоанна Дамаскина с добавлением некоторых сочинений Феодорита Киррского, Григория Нисского и Елифания Кипрского. На Руси догматическая проповедь была представлена «Поучениемъ правыя вѣры душеполезно» и переводом «Послания папы Льва к архиепископу Константинограда Флавиану на Евтихия», выполненным Феодосием Греком в 1142—1143 гг.

3. Из катехизических проповедей Болгарии известны «Заповѣдание о праздницѣхъ» Климента Охридского, компилятивный «Стословець», приписываемый патриарху Константинопольскому Геннадию, а также перевод Константина Преславского «Катехизиса» Кирилла Иерусалимского. На Руси были распространены катехизические поучения Луки Жидяты, Феодосия Печерского и Ильи-Иоанна, архиепископа новгородского.

4. К апологетико-полемическим произведениям относятся недошедшие до нас беседы Константина-Кирилла против иконоборцев, сарацин, иудеев, «трехъязычников» (следы их сохранились в Пространном Житии Кирилла Философа). Благодаря Константину Преславскому Болгария в 906 г. смогла познакомиться с книгой «на ариан» Афанасия Александрийского. Оригинальный апологе-

тико-полемический трактат — «Бесѣда на новоявившущюся ересь богомилу» — принадлежит перу Козмы Пресвитера (969—970). Первым противолатишским сочинением в Болгарии было греческое «Послание Льва Охридского к Иоанну Транийскому» (1053 г.). На Руси этот вид проповедей был широко распространен. Это многочисленные противолатишские послания греческих иерархов конца X—XII вв., киевских митрополитов Льва, Георгия, Иоанна II, Никифора, а также игумена Киево-Печерской лавры Феодосия; немало сохранилось и оригинальных «слов» против язычников с псевдоэпиграфами «св. Иоанн Златоуст», «св. Григорий Богослов», «св. апостолы», «св. отец Моисей» и др., среди них — «Слово некоего христоролюбца».

5. Литургические проповеди нам почти неизвестны. Сохранилось лишь одно из «слов» такого типа: «Поучение о божественной литургии» с псевдоэпиграфом «Григорий Богослов».

6. Нравоучительные и нравообличительные проповеди у славян были весьма популярны. Таковы многочисленные поучения Климента Охридского на воскресный день, на предпразднество Рождества богородицы, на Рождество богородицы и т. п., всего более тридцати. В русской литературе подобные поучения встречаются в учительной части Славяно-русского Пролога (вторая половина XII в.). В них в краткой и безыскусственной форме говорится о значении праздников и даются наставления слушателям. У обоих народов имеются поучения на тему поста и покаяния, о пользе души, о бедности и богатстве. У болгар это некоторые поучения Климента Охридского и Петра Черноризца, у русских это произведения Феодосия Печерского, митрополита Никифора Грека и др. В русской письменности сохранилось немало «слов» на темы «наказаний за грехи», против пьянства, поучений отца к сыну, наставлений священников.

При сравнении двух систем ораторской прозы необходимо принимать во внимание ряд следующих обстоятельств. Во-первых, не все письменные памятники тысячелетней давности сохранились до наших дней; особенно пострадали памятники Болгарии, большая часть которых сохранилась в поздних списках русских монастырских библиотек. Во-вторых, территория и население Болгарии даже во времена царя Симеона (885—927) были меньше, чем территория и население Киевской Руси. В-третьих, до наших дней не дошли образцы светского красноречия. Но если даже допустить, что не все памятники ораторской прозы сохранились, то количественный и качественный их состав не меняет сути: функция ораторской прозы была вполне определенной, двоякой и нерасчлененной: 1) дидактической и 2) художественной. Это означало, что ораторская проза как часть литературы отражала жизнь феодального общества Болгарии и Киевской Руси и стояла у истоков идеологии развивающегося феодального государства. Каждый священник обязан был учить, и авторитет его проповеди освящался авторитетом церкви, которая в средние века была идеологической опорой феодального строя. Несмотря на преобладание внелитера-

турной функции, проповеди в храме и вне храма были рассчитаны не только на убеждение, но и на удовлетворение эстетических потребностей слушателей. Творцами речей были проповедник и его слушатели, которые соперничали с ним и способствовали созданию той атмосферы, которая вдохновляла оратора к импровизации, к творчеству, он прибегал к художественному вымыслу, искал совершенных поэтических средств для выражения своих мыслей и чувств. В Болгарии и на Руси вскоре после принятия христианства сложился известный круг людей, «прѣзвѣлихъ насъштышихся сладости книжныя», к которым могли обращаться с изысканными речами и Климент Охридский, и Иоанн Экзарх, и Иларион Киевский, и Кирилл Туровский, их проповеди отличались высоким уровнем риторского мастерства, глубиной богословских познаний. Мастерство этих ораторов не было результатом только самобытного развития. Многие из них либо учились в школах Византии, либо использовали классические руководства и образцы — таковыми были произведения ораторов греко-византийского мира IV—IX вв. — Григория Богослова, Василия Великого, Иоанна Златоуста, Григория Нисского, Афанасия Александрийского, Ефрема Сирина, Кирилла Александрийского, Кирилла Иерусалимского, Прокла Константинопольского, Андрея Критского, Феодора Студита, Иоанна Дамаскина, Фотия и др. Образцы имелись у славянских ораторов в оригинале и в переводах.

Как в Болгарии, так и в Киевской Руси хорошо знали теорию риторского искусства, изложенную в таких сочинениях, как *προτυμματα* Гермогена из Тарса (II—III в.) и *περί τροπῶν* Георгия Хировоска (VI в.). Анализируя произведения Кирилла и Мефодия, Климента Орхидского, Иоанна Экзарха, Илариона Киевского, Кирилла Туровского, мы найдем немало примеров, иллюстрирующих три раздела риторики: *Inversio* (нахождение мыслей), *Dispositio* (расположение мыслей), *Elocutio* (словесное выражение); мы найдем у них также глубокое знание эллинистических учений о стилистическом периоде и умение на практике использовать художественные достижения греко-византийского искусства.

Греко-византийская топка (теория общих мест)⁴ была важнейшим средством развития литературной темы и способом построения ораторских произведений. Это можно проследить на примере энкомия светским властителям — княжеской похвалы XI—XIV вв. у болгар, у русских. Блестящие произведения риторского искусства прославляли киевских князей Владимира Святославича («Слово о законе и благодати» Илариона) и Рюрика Ростиславича (Летописная похвала и «Речь» Моисея Выдубицкого), болгарского царя Иоанна-Александра (книжные приписки 1337 и 1356 гг.). Всех их объединяет взгляд на героя славянских народов: защит-

⁴ О топике применительно к ораторской прозе см.: *Бегунов Ю. К.* Проблемы изучения торжественного красноречия южных и восточных славян IX—XVI вв., с. 396—397.

ник родной земли не мыслится вне благочестия; потому идеальный тип светского властителя неизбежно несет в себе черты святого. Славянский эвкомий характерен усилением восхваления заслуг и достоинств избранного лица, и этому немало служит топики. В княжеских похвалах мы находим не менее шести важнейших τόποι ἐγκωμιστικοί (общих мест о лицах).

1. Προοίμιον — топос, который вводит в тему, повествуя о важности предмета. Иларион Киевский в «Слове о законе и благодати» начинает со славословия богу, который не забыл избавить людей от идольского мрака и бесовского служения вначале законом, а потом благодатью⁵.

Автор Летописной похвалы князю Рюрику сообщает, что бог вдохнул благоу мысль в сердце князя позаботиться о церкви св. Михаила Выдубицкого монастыря⁶. Моисей Выдубицкий начинает свою речь, стоя на монастырской стене, и призывает присутствующих быть свидетелями нового чуда⁷. Болгарские книжники, авторы приписок к «Песнивицу» 1337 г. и Четвероевангелию 1356 г., воздают славословие троице, без которого нельзя начать ни слово, ни дело, а потом сообщают о времени переписки книг⁸.

2. γένος — топос, который состоит в описании происхождения восхваляемого лица, его родителей, предков, народа и страны.

Иларион Киевский славит великого кагана Владимира как апостола Русской земли, «внука старааго Игоря, сына же славааго Святослава, иже въ своя лѣта владычествующе, мужествомъ же и храборствомъ прослуша въ странахъ многихъ, и побѣдами и крѣпостию поминаются нынѣ и словуть. Не въ худѣ бо и невѣдомѣ земли владычествоваша, нъ въ Руськѣ, яже вѣдома и слышима есть всѣми четырьми конци земля»⁹. Автор Летописной похвалы князю Рюрику вспоминает, что «сей же богомудрый князь Рюрикъ пятый бысть от того, якоже пишеть о правѣднемъ Иевѣ от Аврама, Всеволодъ бо роди Володимера, Володимеръ же роди Мьстислава, Мьстислав же роди Ростислава, Ростислав же роди Рюрика и братья его, братья же его и быша добра и боголюбива. . .»¹⁰. Моисей Выдубицкий говорит, что держава князя Рюрика «не токмо и в Рускихъ концехъ вѣдома, но и сущимъ в морѣ далече».

⁵ Текст см.: Müller L. Das Metropolitentum Ilarion Lobrede auf Vladimir den Heiligen und Glaubenkenntnis: Nach der Erstausgabe von 1844 neu herausgegeben, eingeleitet und erläutert von Ludolf Müller. Wiesbaden, 1962, S. 57—58. (Далее: Müller). Ср.: Розов Н. Н. Синодальный список сочинений Илариона — русского писателя XI в. — Slavica, Praha, 1963, год. 32, N 2, с. 141—175. (Далее: Розов).

⁶ Текст см.: Ипатьевская летопись. — ПСРЛ: Изд. 2-е. СПб., т. II, 1908. (Далее: Ипатьевская летопись).

⁷ См.: Бегунов Ю. К. Речь Моисея Выдубицкого как памятник торжественного красноречия XII в. — ТОДРЛ, JL., 1974, т. 28, с. 74—76.

⁸ Тексты: 1337 г. — Кодов Х. Опис на славянските ръкописи в Библиотеката на Българската академия на науките. София, 1969, с. 13—14. (Далее: Кодов); 1356 г. — ЖМНП. СПб., 1878, ч. 199, с. 9.

⁹ Müller, S. 100—104; Розов, с. 163—164.

¹⁰ Ипатьевская летопись, стлб. 709.

3. Ἀνατροφή — топос, который состоит в описании добродетелей или поступков восхваляемого лица в юности, свидетельствующих о его таланте и характере; часто эти черты — предтечи будущих геройских дел.

Иларион Киевский рассказывает о том, что князь Владимир до крещения «и възраст и укрѣпѣвъ от дѣтескый младости, пачеже възмужавъ крѣпостию, и силою съвершаяся, мужьствомъ же и смысломъ предъсѣѣа, и единоподержецъ бывъ земли своей, покоривъ подъ ся округѣнаа страцы, овы миромъ, а непокоривыа мечемъ. И тако ему въ дни свои живуццю, и землю свою пасуццю правдою, мужьствомъ же и смысломъ приде напъ посѣщение вышнѣяго, призрѣ напъ всемилостивое око благааго бога, и въсна разумъ въ сердци его, яко разумѣти суету идолъскый лъсти, възискати единого бога, сътворѣнааго всю тварь видимую и невидимую»¹¹.

4. πράξις — топос, который состоит в описании поступков хвалимого лица согласно четырем главным добродетелям: мужеству, справедливости, скромности, мудрости.

Таким изображает князя Владимира Иларион. Он говорит о том, что только благодаря мудрости, посвященной в сердце князя высшим разумом, Владимир «въждела сердцемъ, пѣгорѣ духомъ, яко быти ему христиану и земли его»¹²; перечисленные добродетели князя составляет пространный стилистический период, наобильный риторическими вопросами¹³. В христианской тонике место позднерантичной справедливости и скромности занимает христианское милосердие к нищим и убогим, а также смирение. Автор Летописной похвалы князю Рюрику пишет, что князь «мудролюбья начинання от страха господня воздержание, яко иѣкое основаніе полагаше», имел «милость яже от великихъ, даже и до малыхъ и подавание ко требующимъ бе скудости, хотѣние же к манастиремъ и ко всимъ церквам, ин любовь несытну о зданьихъ»¹⁴. Моисей Выдубицкий выделяет милосердие князя среди всех прочих его добродетелей: приказав построить на свой счет стону под разрушающуюся от оползня монастырскую церковь, Рюрик тем самым показал другим людям пример щедрости и милосердия. Симеон Болгарский хвалит царя Иоанна Александра за то, что тот помог найти забытый греческий текст Тетроевангелия, и вот теперь он переведен «изъ еллиньскыхъ словесъ въ нашѣ словѣнскыя слога», переписан, окован золотыми досками, «животворными образы владычными, и того славныхъ ученикъ шары свѣтлыми и златъмъ живописцы хѣдожиѣ украсивъ. . .»; панегирист называет Иоанна благоверным и христоролюбивым, превысоким и боговенчанным. Другой тырновский книжник так славит Иоанна Александра: «старѣшпнѣ же и воинначалника, и въ бранохъ крѣпкааго, рачителя же и благоувѣтлива, румѣннодоброзрач-

¹¹ Müller, S. 101—102; Розов, с. 164.

¹² Müller, S. 103; Розов, с. 164.

¹³ Müller, S. 103, 107—110; Розов, с. 165 и далее.

¹⁴ Ипатьевская летопись, слб. 710.

нааго и краснаго видомъ, колѣбносъжжѣта и правоходца, зря сладко очесы на всѣхъ, неизреченнаго сѣдѣя праведнаго сырымъ же и вдовамъ»; образ полководца вырастает до гиперболическихъ размеров: «Сѣи въ насъ явлейся великы Иоаннъ Александръ, — продолжаетъ тырновскій книжникъ, — всѣмъ блъгаромъ царствуяй, иже брани показа велия и крѣпкыя, и гръцкаго царѣ низложивъ дръжавно и шжталъ ся его ить рѣжмама и градовы прѣять крѣпостия: Посябрь и въсо Поморие съ Романия, таже купно Бѣдинъ и въсо Подунавие, даже и до Моравж. Прочии же градове и веси, страны же и села, токжще валѣахъ ся къ погама того царѣ. И врагы своя въся смь рѣжмама подъ нозѣ подложи и тврѣдѣя тишинѣ вселенѣи показа»¹⁵.

5. Συχηρίσις — топосъ, который состоитъ в сравненіи восхваляемаго лица или его поступковъ с прежними героями и ихъ поступками. У Илариона Киевскаго сравненіе князя Владимира с Константином Великимъ построено на противопоставленіи, где три мысли («Подобниче великааго Константина равноумне, равнохристоролюбче, равночестителю служителемъ его») раскрываются в трехъ стилистическихъ периодахъ¹⁶. Авторъ Летописной похвалы сравниваетъ князя Рюрика с Иосифомъ Прекраснымъ (целомудрие), Моисеемъ (добродетель), Давидомъ (кротость), Константиномъ (правосверіе), а его супругу — с матерью богородицы Анной (милосердіе); Рюрика онъ прославляетъ за то, что тотъ подражаетъ своему праотцу Всеволоду, а зодчего Петра Милонегу приблизилъ к себѣ подобно тому, какъ это сделалъ Моисей с Веселииломъ¹⁷. Выдубицкій игуменъ уподобляетъ князя Моисею, потому что Рюрикъ вывелъ народъ «изъ мрака скупости» и обновилъ людскіе души, какъ Зоровавель, позаботившись о храмѣ. Тырновскій книжникъ сравниваетъ Иоанна-Александра с Александромъ Македонскимъ и Константиномъ Великимъ; «ники же ми ся мнѣить таковы царѣ, — утверждаетъ онъ, — еже въ прѣвыхъ царехъ, якоже сѣи великыи царѣ Иоаннъ Александръ, похвала и слава блъгаромъ»¹⁸.

6. Ἐπιλόγος — топосъ, который заключаетъ всю предыдущую похвалу выраженіемъ счастья и радости по поводу действий восхваляемаго лица; здѣсь же содержится и мольба к богу и святымъ продолжать покровительствовать герою или другимъ людямъ, связаннымъ с нимъ.

Иларионъ Киевскій в концѣ IV части своего произведенія переходитъ к многократно повторяющимся «радованіямъ»: радуйтесь и веселитесь, заявляетъ онъ, тому, что семена веры взопли и дали обильный урожай; Иларионъ возноситъ молитву к богу и славословитъ троицу (V часть)¹⁹. Моисей Выдубицкій объявляетъ, что онъ надеется на милость князя, какъ «елень на источникы водныя», и утверждаетъ, что милость божія всегда будетъ с княземъ Рюрикомъ, архистра-

¹⁵ *Кодов*, с. 14.

¹⁶ *Müller*, S. 117; *Розов*, с. 167.

¹⁷ Ипатьевская летопись, стлб. 740—741.

¹⁸ *Кодов*, с. 14.

¹⁹ *Müller*, S. 126; *Розов*, с. 169 и далее.

тиг Михаил покроет его «кровом» своего крыла. Болгарские панегиристы после длинного ряда «радований» желают Иоанну-Александру одержать победу над врагами и вселиться «в чрътогъ села» небесного²⁰.

Итак, принимая во внимание изложенное выше, можно утверждать, что Древняя Болгария и Киевская Русь обладали единой основой художественного красноречия, использовали одну и ту же систему и теорию жанра. Таков один комплекс типологической общности риторики болгарского и русского народов. Этот комплекс подкрепляется другим комплексом типологической общности, состоящим в родстве литературных языков, в подобии процессов жизни феодального общества, в общности мировоззренческих позиций, в наличии непосредственных связей между Древней Болгарией и Киевской Русью с древнейших времен.

В жизни феодального общества обеих стран проходили одни и те же процессы политического и социально-экономического развития; образование единого государства во главе с сильной княжеской властью и появление децентрализаторских тенденций феодальной вотчинной знати, дальнейшее развитие натурального хозяйства, а также торговли, ремесла и городов, образование и расцвет культуры народности и возникновение внешней опасности и порабощения со стороны кочевников и Византии. До эпохи византийского владычества (1018 г.) политические, экономические и культурные связи между двумя братскими народами были действительными, живыми. Известия об обширной стране, населенной язычниками-славянами, говорящими на родственном болгарам языке, приходили и к болгарским христианам-миссионерам и знали их на берега Днепра.

После крещения Руси (988 г.) культурная жизнь киевского общества подпадает под сильное болгаро-византийское влияние, которое оттесняет на задний план предшествовавшее ему западно-славянское влияние. Болгарский князь Роман Симеон, живший в Константинополе, присылал в конце X в. на Русь болгарские книги, а охридский архиепископ — болгарин Михаил стал первым киевским митрополитом (989—991). Нет сомнения в том, что вместе с первыми богослужебными книгами на древнеболгарском языке русские уже в конце X в. получили и болгаро-византийские проповеди. В дальнейшем в XI—XII вв., когда в Болгарии установилось византийское владычество, эти связи не прерывались и культурный обмен продолжался через Афон и Константинополь.

Итак, перед нами идеальный случай двойной типологической общности двух явлений — ораторской прозы у болгар и русских, когда типологическая общность не только выводится из аналогий и параллелей, но и подкрепляется контактными связями и влиянием одного литературно-эстетического явления на другое.

Между двумя рассматриваемыми явлениями наблюдаются и различия, зависящие как от особенностей исторического раз-

²⁰ Кодов, с. 14.

вития раннефеодального общества, так и от особенностей развития историко-литературных процессов Болгарии и Киевской Руси. Болгария приняла христианство в 865 г., почти на полтора века раньше Руси. Более чем за столетие болгарский народ сумел вобрать в себя весь опыт греко-византийской культуры через посредство первоучителей Кирилла и Мефодия и их учеников и сумел построить свою собственную богатую культуру. Однако внешние обстоятельства были неблагоприятными: агрессия византийских феодалов приостановила на время развитие болгарской государственности и культуры. Киевская Русь достигла своего политического расцвета при Ярославе Мудром (1019—1054), а Первое Болгарское царство уже перестало существовать. Следовательно, общественно-политические и культурные процессы протекали у русских в XI—XII вв. более благоприятным образом для складывающейся древнерусской народности. Это был качественно иной процесс развития, от юности к возмужанию и зрелости.

В то время как развитие литературы в Болгарии в XI—XII вв. как бы застыло, на Руси полным ходом шел процесс становления собственной литературы во всех жанрах, и традиционных для греко-славянского мира, и новых: гимнографии и духовной поэзии, хронографии и летописания, агиографии, ораторской прозы, повествования, легендарно-политических сказаний и т. д.

Вступив позже других народов на путь развития своей культуры на основах христианства, Русь имела возможность использовать опыт этих народов. Случилось так, что Киевская Русь включила в состав своей литературы те литературные памятники этих стран, которые были ей совершенно необходимы. В их числе была и ораторская проза, греко-византийская и болгарская, в ее лучших образцах. Можно говорить даже о том, что почти вся древнеболгарская ораторская проза была включена в состав ораторской прозы Киевской Руси, так что оригинальные произведения последней составили как бы дополнение и продолжение ораторской прозы Болгарии и Византии. Таким образом, если ораторская проза Болгарии как бы состояла из двух частей (переводные с греческого и оригинальные памятники), то ораторская проза Киевской Руси имела три части (переводные с греческого, оригинальные болгарские и оригинальные русские памятники), где вторая и третья части не были четко отделены одна от другой. Каждое из произведений любой части «на равных» обслуживало потребности феодального общества. Потому так называемые части ораторской прозы не существовали каждая сама по себе, в отдельности, а находились в состоянии подвижного равновесия. Вполне понятно, почему в эпоху Киевской Руси стали возникать и развиваться такие произведения торжественного и учительного красноречия, которых не было в Болгарии и которые могли возникнуть не на начальной, а лишь на одной из последующих стадий развития славянских народов. Так, например, в Болгарии в поджанре торжественного красноречия преобладали «слова» на господские и богородичные праздники, а также похвалы в честь ветхо-

новозаветных святых. Произведений, посвященных местным святым, у болгар сохранилось мало, всего два — первоучителям Кириллу и Мефодию; «всенародные речи» отсутствуют. На Руси преобладали отнюдь не праздничные «слова», а панегирики светским властителям: князьям Владимиру, Борису и Глебу, княгине Ольге, а также Феодосию Печерскому. Княжеская похвала явилась ведущей составляющей поджанра. «Всенародная речь» получила блестящее развитие в творчестве таких ораторов, как Иларион Киевский, Черниговский проповедник, Моисей Выдубицкий. Из традиционных греко-византийских святых только Климент Римский, Николай Мирликийский, Козма и Дамиан удостоились внимания русских проповедников. Бросается в глаза и другая особенность: у болгарских проповедников чувствуется сильная конфессиональная связь, т. е. их проповеди более отвечают задачам христианского просвещения — катехизическим, экзегетическим, догматическим, нравоучительным, чем каким-либо другим. У русских проповедников чувствуется сильная связь с политической жизнью Русской земли, с ее насущными нуждами и стремлениями. Таковы «Слово о законе и благодати» Илариона, «Слово о чуде св. Климента Римского о отрочати», «Слово о князьях». Это была одна из существеннейших сторон ускоренных темпами развивавшейся русской литературы, когда, по словам А. Н. Робинсона, «литературно-риторическая символизация государственных и политических идей развернулась в торжественной проповеди, агиографии, летописании, литературном эпосе»²¹. Эту мысль можно подкрепить примерами. Сравним между собой три произведения: «Слово на обрѣтение и пренесение мощемъ св. Климента Римского» Константина-Кирилла (Философа), «Похвалу св. Клименту Римскому» Климента Охридского и русское «Слово о чуде св. Климента Римского о отрочати». Все они посвящены одной теме — прославлению Климента Римского. Все они написаны на одном и том же языке, с одних и тех же идейно-эстетических позиций; все три «слова» принадлежат одному и тому же поджанру — торжественному красноречию, хотя они были вначале написаны и лишь потом прочтены. Все три их автора пользуются, подобно пчелам, одним и тем же «книжным медом», который они искусно собрали отчасти из риторских руководств своего времени, отчасти из произведений своих предшественников, христианских писателей греко-византийского мира. Если Кирилл обращается к херсонесцам, а Климент — к болгарам, то русский проповедник — к своему народу, а каждый из них — к христианам вообще; потому у всех трех проповедников в конце звучит одна и та же тема, тема заступничества за народ. Когда славянские народы делали первые шаги по пути христиани-

²¹ Робинсон А. Н. Задачи литературно-исторической типологии при изучении древнейшей русской литературы: (факторы литературной однотипности и разнотипности). — В кн.: Пути изучения древнерусской литературы и письменности. Л., 1970, с. 29.

зации, они и зависели от кирилло-мефодиевской письменной традиции, и одновременно не зависели от нее, так как вносили каждый что-то свое. Потому-то и различия, которые мы можем наблюдать в трех произведениях о Клименте Римском, неизбежно связаны как с исторической обстановкой, их породившей, так и с особенностями развития формы литературных произведений в конкретных исторических условиях. Каждое из них соотносится с разными типами торжественных «слов»: у Кирилла — с похвальными «словами» на обретение и перенесение мощей, у Климента — с похвальными «словами», которые читались на дни празднования памяти святого и имели целью похвалить некоторые добродетели святого и рассказать о его даре чудотворения, у русского проповедника — с похвальными «словами» на освящение и обновление храмов. Разность типов ведет и к разности структур. В «Слове на обрѣтение» большую часть (около 5/7) занимает рассказ об истории поисков и находке мощей Климента и только в конце содержится небольшое ораторское прославление добродетелей святого. В «Похвале», выдержанной в одном ораторском ключе, не чувствуется особых переходов от нарративности к панегиризму, хотя известное внимание уделяется и биографии Климента, и его добродетелям, и дару чудотворения. В «Слове о чуде» основное внимание сосредоточено вокруг дара чудотворения Климента, который чудесно связывается с Русью, с Десятиным храмом и его покровителем — киевским князем Изяславом Ярославичем, отчего весь памятник приобретает гражданственное звучание. В «Слове на обрѣтение» и в «Похвале» внимание проповедников больше сконцентрировано вокруг вопросов конфессиональных, безотносительно к судьбам славянских народов. Тем не менее общность темы и жанра трех произведений о Клименте Римском позволяет считать их написанными в рамках одной кирилло-мефодиевской традиции.

Жанровое новаторство ораторских произведений Древней Руси особенно ярко проявилось у Илариона Киевского. Выступая перед изысканной аудиторией, Иларион ведет своих слушателей от расплывчатого общего к конкретному частному, от закона к благодати, к похвале Русской земле и князю Владимиру, к молитве за Русскую землю — словом, от восторга к умилению и от умиления к покаянию. Однако не только отточенностью и совершенством логического развития мыслей славился Иларион. Воспитанный на греко-византийских образцах похвальной речи, Иларион строит свое произведение по всем правилам ораторского искусства, в духе так называемого второго типа панегирических «слов», соединяющих энкомий с акафистом. Однако и в этот тип речей он вносит нечто свое, построив I—III части «Слова» как апологетико-полемическое сочинение против иудаизма с апологией христианства, IV часть — как типичный энкомий, а V часть — как гимнографическое произведение. Вначале проповедник, казалось бы, следовал обычной в Византии практике придворных ораторов приносить в присутствии императоров состязательные речи, ви-

тийственные и медоточивые, но потом постепенно превращал учительную речь в торжественную, да и учительными части с I по III могут считаться лишь условно, так как никакого конкретного спора с иудействующими не несут. По существу, это был завуалированный подход к прославлению Русской земли, равноапостольного Владимира и наследника киевского стола Ярослава. Не будучи творцом новых тропов и фигур, Иларион употребил те, которые он заимствовал из Священного писания, у знаменитых христианских ораторов древности, в том числе у представителей Александрийской школы. Это прежде всего аллегоризм и символизм при истолковании библейских текстов, выискивание таинственного, сокровенного смысла явлений, применение таких фигур, как антитеза, апостроф, анафора, сравнение, олицетворение и др. Эти приемы распределены неравномерно: в I—III частях господствует антитеза, например при противопоставлении закона благодати под именами Агарь и Сарра вначале — десять антитез (24₁₅—27₃)²², затем — семь (27₃ — 27₂₁); при противопоставлении старого (Манассия) новому (Ефрем) — две антитезы (27₂₁—27₂₆), затем следуют отдельные антитезы при сравнении иудейства и христианства, закона и веры, прежнего и нынешнего отношения иерусалимлян к богам и т. п.; при противопоставлении двух существ естества Христа — божественного и человеческого — семнадцать антитез (30₁₇—31₁₉), заимствованных из «Слова на Преображение» Ефрема Сирина; при рассказе о повсеместном распространении благодати — три антитезы (34₁₀—34₁₃), затем пять (34₂₁—35₂), потом еще шесть (35₄—36₆) и наконец еще семь антитез (36₆—36₂₀). В IV части, центральной, наблюдается громадное разнообразие художественных приемов. Здесь и риторические вопросы, восклицания, обращения, сравнения, олицетворения, апостроф, множество фигур стилистических — исоколон, гомойотелев, гомойоптогон, парехесис и др. Тропы и фигуры чередуются с опорными смысловыми фразами, ведущими изложение, перебивая во избежание монотонности речи. Весь энкомий построен Иларионом весьма искусно: похвала сужается концентрическими кругами. Вначале это историческая часть об учителе Русской земли — кагане Владимире, который превращается из язычника в ревностного христианина, затем — основная похвала его добродетелям и делам, которая переходит в похвалу его потомству — сыну Георгию-Ярославу и делам его, и наконец следует снова панегирик добродетелям Владимира с акафистом ему как новоявленному святому.

«Слово» митрополита Киевского Илариона не похоже на предшествовавшие ему эпидейктические сочинения Византии и Болгарии. Если у Климента Охридского похвальное «слово» состоит из биографии-похвалы и акафиста-похвалы, а у Иоанна Экзарха — из похвалы-поучения, то произведение Илариона не двух-

²² 24, 15-я строка — 27, 3-я строка. Здесь ссылки даются на издание Л. Мюллера.

а трехсложное — полемика, энкомий, молитва. Это сочинение стояло у истоков самосознания русского народа. Оно ставило Русскую землю на одну высоту с Византией, Болгарией.

Итак, установление двойной типологической общности систем ораторской прозы болгарского и русского народов подготавливает материал для воссоздания моделей историко-литературных процессов обоих народов, помогает лучше уяснить их своеобразие.

